

И сижу в ожидании Юрия Мефодиевича в артистической уборной и слушаю по трансляции, как блестящеvano ведет он роль Хлестакова. Сейчас кончится второй акт, и у нас для беседы будет целое действие, до «поклона», когда Хлестаков—Соломин должен будет выйти перед зрителями.

И вот в уборную влетает... Хлестаков, стремительный, изящный, и «хлестаковским» голосом, с улыбкой и этаким развязной легкостью приглашает: «Садитесь!». Но я уже давно сижу в ожидании актера, и он смеется: «Ах, да, это мне надо садиться».

Оседлал стул, приглаживает волосы и уже совсем по-другому, как бы сняв с себя Хлестакова: «Ну вот я и готов».

Мне немного неловко: он сейчас играл—следы усталости на лице, а тут я со своими вопросами. Но у каждого своя работа.

— Юрий Мефодиевич, начнем с банального: как вы стали актером!

— На этот вопрос мне ответить чрезвычайно легко. Кажется, я всегда знал, что буду актером. Мои родители—музыканты, они всю жизнь занимались в Чите музыкальным, художественным воспитанием детей. С первого по десятый класс я выступал в самодеятельности, на сцене и всегда был уверен, что сцена будет со мной всю жизнь. Почему? Видимо, потому, что на сцене ко мне всегда приходило ощущение счастья, радости.

— И вы сразу попали в училище!

— Да. И мне чрезвычайно повезло. Моим первым педагогом была несравненная Вера Пашенная. Очень строгая и взыскательная, — потому что театр был ее жизнью, она требовала всегда полной отдачи. «Это работа, — говорила она, — это работа, нельзя ее делать кое-как. Ни на репетициях, ни на сцене». Это я твердо усвоил. Всегда полная отдача. Всегда выкладываешься. А после спектакля чувствуешь усталость и удовлетворенность. Степень твоей отдачи всегда в прямой зависимости и связанности с отдачей зала — без контакта, взаимопонимания с публикой актер просто не может жить и расти.

— Это в театре, а в кино? У вас ведь есть опыт, вы давно снимаетесь.

— Да, я снялся впервые в 1959 году в роли Павла Каурова (в «Бессонной ночи»). Меня привела в кинематограф В. Н. Пашенная. Затем я снимался каждый год. Были роли небольшие—в фильмах «Погоня», «Верность матери», «Сердце матери» и роли главные — «Музыкант одного полка» и, наконец, «Адъютант его превосходительства».

— Кажется, эту роль вы получили случайно!

— Совершенно случайно. Я был приглашен и снимался там в другой роли. Тут мне просто повезло с режиссером. Ташков «увидел» меня Кольцовым.

— Как вы думаете, почему эта роль принесла вам такой успех!

— Уже прошло три года после выхода фильма на экран, и нет дня, чтобы я не получал письма от зрителей. Почему такая популярность? Ну, очевидно, в первую очередь потому, что роль Кольцова была драматургически хороша. Герой фильма обаятелен, человечен, он — личность героическая. Это всегда привлекает людей.

драматургия, потому что каждым спектаклем открываешь для себя все новые грани образа. Вообще же стараюсь выбирать разнообразные роли. Вот сразу после Кольцова я сыграл отрицательную роль — Штубе в кинофильме «Был вечер, было утро» (по пьесе «Разлом»). Некоторые мои коллеги удивлялись — зачем я взялся за нее? Но я чувствовал, что она нужна мне.

— Театр и кино, как, они взаимодействуют в вашей актерской судьбе!

— Я пришел в кино актером театра. И, конечно, это мне очень помогло в моей работе в кинематографе. Театр дал мне такое ценное качество, как умение увидеть

— О сокровенном говорить трудно, и я, пожалуй, прямо не буду отвечать на этот вопрос. Скажу только, что меня очень привлекает музыка в кино и театре. Видимо, потому, что музыкой я был окружен с детства. Когда я смотрю спектакли театра оперетты, вижу, как пластично актеры двигаются по сцене, как поют, танцуют, я просто дрожу от восторга. Хочется сыграть какую-то роль, близкую к мюзиклу. Особое наслаждение мне доставляет смотреть старые киноленты с участием Жерара Филипа. Какой это был актер — блестящий, пластичный, искрометный. Меня привлекает такая игра.

— Скажите, а какие встречи с вами ждут зрителя в ближайшее время!

— В театре мы только начали репетицию пьесы Островского «Пучина». У меня там главная роль — Кисельникова. Она представляется мне сложной, потому что я не играл еще роли трагические, философские.

Недавно вышла «Даурия», скоро телезрители увидят фильм «Моя жизнь» по Чехову, снимаюсь в картинах «Начальник уголовного розыска», «Право на прыжок» (по книге Брумеля и о его судьбе), там играю тренера. Скажу честно, что раньше, когда я читал в различных интервью наших больших мастеров сцены о том, как все они стремятся сыграть современника, меня это немного удивляло. Ведь есть столько великолепной классики. Но теперь, когда я уже многое попробовал, стал иначе относиться к этой проблеме. Я понял их.

В самом деле, ты играешь на сцене, а в зале сидят твои современники. Люди, которые живут в одну с тобой эпоху. Я вижу их не только на сцене. Я еду с ними бок о бок в автобусе и метро, хожу с ними рядом по улицам, стою в магазинных очередях. И у меня, как у каждого из них, накопилось много мыслей, сомнений, наблюдений о сегодняшнем дне, о нашем времени. И мне хочется с ними вместе поразмышлять, поговорить — не языком классики, а тем самым языком, которым мы разговариваем в жизни.

— Вы, наверное, любите молодежную аудиторию!

— Знаете, мне кажется, актер воспринимает аудиторию не по возрасту, но по ее вниманию, интересу к тому, что хочет сказать актер. Я очень люблю студенческую аудиторию, люблю то состояние вдохновенной импровизации, которое почти всегда возникает в такой аудитории. Они много знают и хотят знать еще больше.

МЕЧТАЮ СЫГРАТЬ СОВРЕМЕННОКА

БЕСЕДА КОРРЕСПОНДЕНТА Т. ГРОМОВОЙ
С ЗАСЛУЖЕННЫМ АРТИСТОМ РСФСР Ю. М. СОЛОМИНЫМ

— А как вообще вы выбираете роли? Как определяете, что роль именно ваша!

— В театре мне роли просто дают, и я начинаю ими жить. А в кино больше возможности выбора. Актер обычно пробует одновременно в двух-трех фильмах. И он, и режиссер смотрят и определяют — та ли это роль. Читаешь сценарий, и вдруг приходит чувство: это я смогу сыграть! Не знаю, как назвать это чувство: интуиция, опыт, актерское видение? Бог его знает. Но оно есть, в душе происходит какой-то толчок — это твое.

Помню, еще на заре моей актерской деятельности мне предложили роль в пьесе «Украла консула». Еще шли споры насчет этой пьесы, еще не было точно решено — ставить или не ставить, а я уже сказал режиссеру: я это сыграю. И не ошибся. Я уже сыграл в ней четыреста раз.

— Эта и есть ваша любимая роль!

— Нет, так я не сказал бы. Я стараюсь любить каждую роль. Без этого невозможно играть. Очень люблю Хлестакова. Сложилось так, что долгое время в театре практически играл только Хлестакова. И испытываю такое чувство, словно создал не одну, а много ролей. Потому что это великолепная

и пережить роль целиком, проиграть ее, так сказать, мысленно, всю — от начала до конца. В кино ведь часто случается так, что предыдущий эпизод приходится играть после последующего. Мне это было нетрудно, потому что я знал, чувствовал всю роль, каждую мизансцену, состояние героя и его эмоции не только в данный миг. Театр же воспитал способность полной самоотдачи, особенно необходимую в кино: там ведь уже ничего не исправишь, поэтому играл, как говорится, на полную катушку. Снимаясь в кино, я часто с большой благодарностью вспоминал Пашенную.

В кино есть такая штука, как крупный план. Актер может в течение нескольких минут на экране размышлять. Молча размышлять. И движение мысли передавать особенными выразительными средствами. Кино учит скупости и выразительности. И теперь, когда я репетирую в театре, умею посмотреть на себя со стороны, как бы в кинообъектив, и найти такие средства, которые особенно точно выразят состояние героя, помня при этом, что в театре существует двадцатый ряд.

— Какие еще роли вы мечтали бы сыграть!